# Круглый стол

## «Организационно-производственное направление российской аграрно-экономической мысли: история и современность».

## Центр аграрных исследований РАНХиГС, 23 января 2018 года

*Валерий Георгиевич Виноградский,* доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: vgrape47@yandex.ru

*Александр Владимирович Гордон,* доктор исторических наук, заведующий сектором Восточной и Юго-Восточной Азии ИНИОН РАН. E-mail: gordon_aleksandr@mail.ru

*Игорь Анатольевич Кузнецов,* кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. 119571, Москва, проспект Вернадского, 82. E-mail: repytwjd68@mail.ru

*Александр Александрович Куракин,* старший научный сотрудник Центра аграрных исследований РАНХиГС, старший научный сотрудник НИУ ВШЭ, 101000, Москва, ул.Мясницкая, 20. E-mail: chto-delat@yandex.ru

*Александр Михайлович Никулин,* кандидат экономических наук, директор Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: harmina@yandex.ru

*Любовь Александровна Овчинцева,* кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Отдела устойчивого развития сельских территорий и сельской кооперации Всероссийского института аграрных проблем и информатики им. А.А. Никонова, 105064, Москва, Большой Харитоньевский пер., д. 21, стр. 1. E-mail: lovchintseva@viapi.ru

*Александр Васильевич Петриков,* доктор экономических наук, академик РАН, директор Всероссийского института аграрных проблем и информатики им.А.А. Никонова, в 2007–2016 гг. — заместитель министра сельского хозяйства России. 107078, Москва, Большой Харитоньевский пер., д. 21, стр. 1. E-mail: apetrikov@viapi.ru

*Татьяна Александровна Савинова,* кандидат экономических наук, начальник отдела организационно-методической и кадровой работы Российского государственного архива экономики; 119992, Москва, ул. Б. Пироговская, 17. E-mail: savinova30@yandex.ru

*Теодор Шанин,* профессор, президент Московской высшей школы социальных и экономических наук, председатель редакционного совета журнала «Крестьяноведение». 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: shanin@universitas.ru

Круглый стол «Организационно-производственное направление российской аграрно-экономической мысли: история и современность», состоявшийся в Центре аграрных исследований РАНХиГС представил собой междисциплинарное обсуждение историками, социологами, экономистами, культурологами актуальности научного наследия А.В. Чаянова его коллег не только для аграрных, но и в целом для общественных и гуманитарных наук особенно в связи с рядом юбилейных дат в биографиях ученых организационно-производственной школы.

В центре дискуссий участников круглого стола находились вопросы генезиса и исторических предпосылок организационно-производственного направления, анализ идей чаяновской школы в связи с историей и современностью сельского развития России и мира. Особое внимание было уделено обсуждению недавно обнаруженных уникальных архивных находок последних лет: ответы А.В. Чаянова и Н.П. Макарова на критику со стороны Л.Н. Литошенко и А.А. Мануйлова в связи с теоретическими и методологическими основаниями концепции экономики крестьянского хозяйства организационно-производственной школы, а также текстам, написанным А.В. Чаяновым для журналов Германии, Франции и США, в которых представлена всесторонняя характеристика особенностей развития российской и советской аграрно-экономической науки.

В связи с интеллектуальным наследием не только А.В. Чаянова, но также его коллег А.А. Рыбникова, А.Н. Челинцева, Б.Д. Бруцкуса, Н.П. Макарова, А.Н. Минина, Г.А. Студенского были подвергнуты обсуждению вопросы соотношения народнической, социалистической и либеральной традиций в развитие российского и мирового крестьяноведения, а также были названы имена и концепции ряда других замечательных аграрников, в определенной степени предшественников и последователей организационно-производственной школы.

*Ключевые слова:* крестьяноведение, междисциплинарные исследования, организационно-производственная школа, теория крестьянского хозяйства, народничество, социализм, либерализм, сельское развитие.

DOI: 10.22394/2500-1809-2018-3-1-74-98

*Участники круглого стола*: Валерий Георгиевич Виноградский, д. ф.н., ЦАИ РАНХиГС, Александр Владимирович Гордон, д.и.н., ИНИОН РАН, Игорь Анатольевич Кузнецов, к.и.н., РАНХиГС, Александр Александрович Куракин, ЦАИ РАНХиГС и НИУ ВШЭ, Александр Михайлович Никулин, к.э.н., ЦАИ РАНХиГС, Любовь Александровна Овчинцева, к.э.н., ВИАПИ, Александр Васильевич Петриков, академик РАН, ВИАПИ, Татьяна Александровна Савинова, к.э.н., РГАЭ, Теодор Шанин, МВШСЭН

*А.М Никулин.:* Уважаемые коллеги! В январе этого года исполняется 130 лет со дня рождения выдающегося российского ученого-аграрника Александра Васильевича Чаянова. Этот чаяновский юбилей совпадает в определенной степени еще с рядом памятных дат в биографиях его коллег по организационно-производственной школе: 140 лет со дня рождения и 80 лет со дня смерти Александра Александровича Рыбникова, 80 лет со дня смерти Бориса Давидовича Бруцкуса, 120 лет со дня рождения Геннадия Александровича Студенского. Впрочем, даже независимо от всех текущих юбилейных событий 2018 года вклад Александра Чаянова и его коллег

в развитие российской и мировой аграрной науки столь значителен, что подвергается непрерывному и систематическому изучению в нашей стране и за рубежом. Напомню, что восемь лет назад мы уже собирались со многими из здесь присутствующих коллег на круглом столе[1] по проблемам организационно-производственного направления, и я рад, что сейчас мы снова вместе собираемся обсудить новые материалы, факты, идеи, связанные с Чаяновым и его школой.

Редакция журнала «Крестьяноведение» предлагает сконцентрировать обсуждение прежде всего вокруг следующих тем, которые, на наш взгляд, с достаточной полнотой отражают современный интерес к организационно-производственному направлению в междисциплинарной аграрной мысли:

— проблемы генезиса и исторических предпосылок организационно-производственного направления;

— идеи экономистов организационно-производственного направления и современная экономика России и мира;

— библиография работ ОПН: архивные находки последних лет.

Пожалуй, придерживаясь исторического принципа, я попрошу Вас, Игорь Анатольевич как историка начать наше обсуждение с вопросов генезиса школы Чаянова и недавних открытий новых архивных материалов, связанных с организационно-производственной школой.

*И.А. Кузнецов:* Мой интерес к теме в последние годы развивался в двух направлениях. Во-первых, я углубился в истоки чаяновской школы, прослеживая их в науке о сельском хозяйстве в России в XIX веке. Я пытался понять, как появилась и какое место занимала организационно-производственная школа в развитии российской «сельскохозяйственной экономии». Второй аспект связан с находками новых текстов. Некоторые из них, которые обнаружила Татьяна Александровна Савинова, были прежде совершенно неизвестны, а некоторые, хотя в принципе известны, но не были введены у нас в оборот, как, например, статьи А.В. Чаянова, публиковавшиеся в зарубежных журналах. Работая в архиве Академии наук, я случайно нашел русскоязычные варианты его статей, одна их которых была подготовлена для французского журнала и опубликована в 1928 году, другая вышла в американском журнале в 1930 году. Они хранились в фонде Л.Н. Крицмана — видного большевистского теоретика, аграрника, который в конце 1920-х годов фактически сосредоточил в своих руках руководство всей аграрной экономической наукой в СССР. Причем, судя по архивной описи, авторство одного из этих чаяновских текстов было ошибочно приписано Крицману. Кажется, исследователи их по-настояще-

1. Круглый стол (2011). «Интеллектуальное наследие организационно-производственной школы: история и современность» // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. Вып. 6. М. С. 240–250.

му еще не прочитывали и не анализировали, а это весьма интересные статьи. В них Чаянов кратко излагает свое видение истории возникновения научной школы и вообще палитры всех аграрно-экономических исследований в СССР в 1920-е годы. Примечательно, что французская статья вызвала тогда резкую критику со стороны молодых аграрников-марксистов, с нападками на Чаянова выступил И.Д. Верменичев. Чаянов пытался отражать эти нападки, написал ответ Верменичеву, который не публиковался, но также нашелся в архиве. Просматривая экономические издания начала 1920-х годов, я недавно случайно наткнулся на публикацию стенограммы неизвестного (по крайней мере, мне) доклада Чаянова 1919 года на одном из заседаний в Наркомате финансов, где обсуждалась проблема налогообложения, и Чаянов разъяснял основы своей теории крестьянского хозяйства, которые он предлагал заложить в основу фискальной политики[2]. Думается, этот текст может быть интересен для характеристики взглядов Чаянова в период «военного коммунизма».

Тексты, которые нашла в архиве Т.А. Савинова, я считаю сенсацией для историков нашей аграрно-экономической мысли. До этого мы знали, что в 1923 году Л.Н. Литошенко набросился и теоретически «покусал» организационно-производственное направление. Теперь мы знаем, что они ему содержательно отвечали. Оказывается, это была живая дискуссия. В связи с этим отметим еще один момент: полемическая брошюра Литошенко была давно известна, но его большой труд «Социализация земли в России» опубликован впервые только в 2001 году. В этой большой монографии Литошенко анализировал опыт «военного коммунизма» в аграрном вопросе и делал вывод о том, что социалистическая политика фактически привела к катастрофе сельское хозяйство и, шире, экономику России. Поскольку монография была закончена где-то в 1922 году, следовательно, его книжка против организационно-производственной школы писалась сразу вслед за этим, и ее надо читать встык с заключением к «Социализации земли». Тогда видно, что в сумме они образуют цельную экономическую программу, которую предлагал Литошенко для, как тогда говорилось, «возрождения России», то есть для выхода из кризиса, порожденного «военным коммунизмом». С этой точки зрения найденные в архиве ответы А.В. Чаянова и Н.П. Макарова на критику Л.Н. Литошенко дают исследователям недостающий пазл, позволяющий получить полную картину их идейной дискуссии, которая, конечно, еще требует дальнейшего анализа.

*А.М. Никулин:* Хотелось бы уточнить, как Вам видятся исторические истоки организационно-производственного направле-

2. К налоговому обложению землепользования в РСФСР (1921) // НКФ. Институт экономических исследований. Труды сельскохозяйственной секции. Т. 1 / Под ред. Н.Н. Деревенко, В.И. Рудковского. Пг. С. 65–80.

ния? Каково было положение аграрно-экономической науки до организационно-производственной школы и в момент, когда она формируется?

*И.А. Кузнецов:* Изучение истории «сельскохозяйственной экономии» в XIX веке привело меня к выводу, что в ней существовали два направления. Одно развивалось в тесной связи с агрономической наукой, оно изначально имело организационно-производственный характер, но видело своей целью организацию частного помещичьего имения. Экономической теорией, на которую оно опиралось, была классическая политическая экономия, предполагавшая единство законов рыночной экономики. Крупнейшим его представителем был А.П. Людоговский, предлагавший уже в первой половине 1870-х гг. маржиналистские подходы к решению задач по оптимизации рыночного, товарно-ориентированного сельскохозяйственного предприятия. Другое научное направление сложилось в рамках московской школы политической экономии, лидером которой был А.И. Чупров. Ее представители смотрели на аграрную экономику с народнохозяйственной точки зрения, и под «организацией хозяйства» понимали не организацию сельскохозяйственного предприятия, а организацию сельского хозяйства в целом как отрасль народного хозяйства. Это направление синтезировало идеи К. Маркса, германской исторической школы и самобытные российские концепции. Оно отвергало экономический либерализм, считая его теорией капитализма, а вместе с ним и идею единства экономической модели, единства экономических законов. Сторонники этой позиции — обычно их называют народниками — считали возможным построить для России альтернативную, некапиталистическую модель развития. Их теоретическая мысль была направлена на то, чтобы найти в действительности некие социально-экономические основы для этой некапиталистической модели. Сначала они предполагали их наличие в крестьянской общине. Затем возникло представление, что сельское хозяйство развивается по особым экономическим законам, отличным от экономики промышленности. Наконец, к концу XIX века их мысль сфокусировалась на том, что крестьянское хозяйство является особым экономическим типом, который не описывается классической политэкономией. Многие экономисты почти синхронно начали писать о необходимости выработки специальной теории крестьянского хозяйства, предлагая разные подходы к созданию такой теории. В этом контексте чаяновская организационно-производственная школа, возникшая в 1910-е годы, представляется наследницей обоих направлений. От первого она унаследовала организационно-производственный характер, однако с тем отличием, что ее объектом стало крестьянское хозяйство, а не частновладельческое. С другой стороны, она органично укладывалась в русло народнической экономической теории, построив оригинальную теорию крестьянского хозяйства как хозяйства некапиталистического, трудопотребительского и семейно-трудового.

А.В. Чаянов достроил идейные искания предшествующего поколения экономистов-народников до уровня научной теоретической модели. В этом плане мне представляется, что Л.Н. Литошенко был, безусловно, прав, когда называл это направление неонародниками. У них действительно были те же социальные идеалы, но обоснованные по-другому. Нео — та же суть в новом.

Но что мне кажется важным подчеркнуть: теория крестьянского хозяйства, которую Чаянов разрабатывал как организационную теорию, не была самодостаточной. Мне представляется, его задачей была не организация индивидуального крестьянского хозяйства. Конечной целью была кооперация. В результате должно было возникнуть не предпринимательское крестьянское хозяйство, а кооперативное крестьянское хозяйство. К этому вела теория дифференциальных оптимумов Чаянова. Она давала объяснение того, какие стимулы могут толкать мелкое крестьянское хозяйство к укрупнению и объединению. Разные отрасли сельского хозяйства имеют различные оптимальные размеры предприятий, считал он. Поскольку крестьянское хозяйство многоотраслевое, оно может расщеплять свою деятельность и передавать те части, которые требуют более крупного размера, на уровень кооператива. Отсюда же его теория общественной агрономии, унаследованная от А.Ф. Фортунатова. Имелось в виду движение земских, то есть неправительственных, общественных агрономов, которые, помогая крестьянам техническими советами на местах, подталкивали их к кооперированию, выступали организаторами местных крестьянских кооперативов. И все это выстраивалось у Чаянова в единую концепцию: от теории крестьянского хозяйства до концепции аграрной политики, построенной на общественной агрономии. В этом видится его величина как ученого и лидера нового направления, в отличие от его коллег-современников, у которых не было столь масштабной и цельной картины.

*Т. Шанин:* Я вполне согласен с Вашей оценкой важности кооперативов и других элементов как единой системы. Это был план для понимания того, что есть крестьянское хозяйство как система и как оно вписывается в более широкий контекст. Но я в свое время занялся тем, что рассчитал те формулы Чаянова, которые он предложил для оценки динамики крестьянского хозяйства. Я вышел на результат, который показал, что это не срабатывает, и в этом смысле математизация теории Чаянова не удалась. Это было сорок лет тому назад, в то время я решил просто отложить это дело в сторону и не закончил. Так часто бывает, когда начинаешь работать над чем-то, что оказывается куда более тяжелым с точки зрения количества времени, которое требуется. Но у меня осталась оценка того, что математизация не давала результатов и что теорию Чаянова предпочтительно строить без этой математизации, и тогда ее внутренняя логика срабатывает вполне. Надо или ставить это вне математизации, или же построить другую математизацию.

*Л.А. Овчинцева:* Я хотела бы поддержать мысль Игоря Анатольевича о том, что теория крестьянского хозяйства очень тесно связана с теорией кооперации и теорией общественной агрономии. Кооперация и общественная агрономия ставят теорию крестьянского хозяйства на крепкие ноги экономической практики. Кооперация как форма оптимизации и прогресса крестьянского хозяйства, и все элементы, приемы общественной агрономии были ответом на вопросы: каким образом вовлечь в более крупные организационные формы массу крестьян, которые привыкли жить в соответствии с традициями земледелия, по своим привычкам, каким образом укрупнить производство продукции в крестьянском секторе, не нарушая заведенный порядок. Причем провести укрупнение эволюционным путем. Эту мысль А.В. Чаянов многократно развивает в своих работах по общественной агрономии.

Игорь Анатольевич также упомянул, что организационно-производственная школа опиралась на аграрную экономию как науку об организации крупного помещичьего хозяйства. Я совершенно согласна, на это нам указывают документы Московского общества сельского хозяйства, где велись дискуссии по вопросам эффективного ведения крупных помещичьих хозяйств. Московское общество сельского хозяйства начало свою работу в 1820 году, а выборные органы местного самоуправления, земства, были введены в 1864 году. И крестьяне были плательщиками налогов на содержание земства. Но платежеспособность их была очень низкой. Поэтому земства задумались над тем, как помочь крестьянам стать полноценными плательщиками земских сборов. Так к концу XIX века появился новый объект агрономического воздействия — крестьянские хозяйства, и возникла земская агрономия. Земских агрономов содержало за свой счет земство, они должны были работать именно с крестьянскими хозяйствами, консультировать, обучать, помогать вводить улучшенные способы земледелия, создавать земские склады сельскохозяйственной техники, держать опытные поля. При этом существовали и правительственные агрономы в губерниях, но они выполняли в большей степени административные функции, доводили директивы вышестоящих органов до мест, и также занимались обучением.

Хотела бы также заметить, что термин «общественная агрономия» указывает на то, что эти агрономы работали с крестьянскими общинами, «обществом». А правительственные агрономы в годы Столыпинской реформы работали с землеустроенными хозяйствами, с теми крестьянами, которые вышли на хутора и отруба. На это прямо указывают материалы съездов агрономической помощи населению, которые проходили в Москве и Киеве. Таким образом, мелкие крестьянские хозяйства стали объектом воздействия аграрной политики. И эта линия продолжается до сегодняшних дней. Отечественная статистика учитывает результат личных подсобных хозяйств населения в валовом сборе продукции сель-

ского хозяйства, нетоварные хозяйства включены в число объектов наблюдения сельскохозяйственной переписи. Временной интервал, отделяющий нас от Чаянова, расширяется, но его концепции продолжают сохранять свою актуальность для практики аграрного развития многих стран. С удивлением узнала о переиздании трудов Чаянова в Бразилии. Возможно, в скором времени возникнет интерес к нему, например, в Индии.

*Т. Шанин:* В Индии и во многих других странах к Чаянову уже давно существует систематический интерес.

*А.В. Гордон:* Игорь Анатольевич занялся тем, чем я собирался заняться лет двадцать тому назад, но перешел на другие сюжеты. То есть тем, что я для себя назвал «русской аграрной философией»: это действительно безбрежное море движения мысли, творческих поисков и этим заниматься очень продуктивно. Но вот в чем я не согласен с Игорем Анатольевичем: просто выводить Чаянова и вообще организационно-производственное направление из народничества нельзя. Почему нельзя? Действительно, вся наша аграрная наука и даже крестьяноведение имеет родимые пятна в народническом прошлом. И тем не менее Чаянов и сподвижники обособились. Обособились в каком смысле? Позволю себе такое личное воспоминание. Вы, конечно, помните Леонида Васильевича Милова. У нас с ним были в последние годы его жизни постоянные дискуссии. Он доказывал, как вы знаете, что Россия была обречена на экстенсивную форму хозяйствования. Доказывал очень рьяно, полемически. Ну, например, он говорил: «Вот у вас... (поскольку я занимался французским сельским хозяйством) У вас уже в XI веке были университеты. А у нас что? А почему? А потому, что был недостаточный прибавочный продукт. А почему? А потому, что русская земля и климат не могли позволить такое интенсивное хозяйствование, как во Франции». И понимаете, его точка зрения ведь имеет основания. Леонид Васильевич был великолепным знатоком быта русской деревни и самой техники хозяйствования на земле! Слышал, как Виола Линн говорила ему: «Я бы Вас слушала, и слушала, и слушала. Как сказку». Притом он был, прямо скажем, человек «идеологический». Хотел доказать, что в общем-то Россия обречена была не только на экстенсивное хозяйствование, но и вместе с ним на внеэкономическое принуждение, на деспотизм, поскольку объективной необходимостью оказывалась самая жесткая форма извлечения прибавочного продукта. Понимаете, в народничестве суть та же: главное — не производство, а распределение. Не важно, как хозяйствовать, было бы землицы побольше. А что это значило? Это значило расширение той же экстенсивной формы, только на более широкую площадь. И все! Что же касается организационно-производственного направления, ведь им же говорили: «Какое там хозяйствование? Деревня вымирает. Крестьянству некуда податься. А вы там что-то такое пытаетесь организовать». «Сколько на душу-то? Земельное утеснение. Да-

ешь помещичью землю!» Толстовцы, почвенники, социалисты — все в одну дуду. Земля — тем, кто ее обрабатывает! Получили «черный передел». А дальше? У нас коллективизацией сохранили экстенсивную форму хозяйствования, прибавив тракторизацию. А насчет культуры производства — минимум. Сельхознаука развивалась, семеноводство и т.п., но все на прикладном уровне. Леонид Васильевич съездил к себе на родину и говорит: «Надо же, пашут — ну против всяких правил, не поперек... Там спуск был к оврагу. Они не поперек, а прямо в овраг. Но что-то получается!» Трактора есть, и все, так сказать, идет на лад. Вы говорите «кооперация»? Ведь кооперация кооперации рознь. Коллективизация тоже кооперация. Но Чаянов как-то не слишком ее одобрял. Помните различие — вертикальная интеграция и горизонтальная интеграция. Он-то стоял за вертикальную. И вот эта идея, кстати, актуальна. Это показывает Франция, где серьезные позиции занимает фермерство и даже сохранилось что-то вроде ЛПХ, они же интегрированы через госкредиты и госконтроль, через партнерство с крупным агробизнесом в народно-хозяйственную систему.

*Т. Шанин:* Через систему кооперативов?

*А.В. Гордон:* В том числе через сбытовую кооперацию, а на местном уровне и через трудовую взаимопомощь. Но главное с точки зрения актуальности идей ОПН — сохраняется первичная хозяйствующая ячейка в виде семейного хозяйства (иногда, правда, усеченного). Да, и еще этимологически хотел сказать о происхождении термина, что «крестьянское хозяйство» — это проекция «крепостного хозяйства», то есть вот в начале пореформенного периода была формулировка, которую, кажется, Петр Струве дал в своей докторской диссертации.

*Т.А. Савинова:* Парадигма, может быть.

*А.В. Гордон:* Нет, не парадигма, а формулировка, бином, что ли, соединение субъекта с хозяйством. Там субъект (агент или актор) был помещик, а здесь стал уже крестьянин. А вот схема перекочевала. Так мне кажется. Был ли Чаянов и его сподвижники общинниками? Кооперация — да. Но кооперация, по Чаянову, скорее была отрицанием патриархальной передельной общины.

*И.А. Кузнецов:* Есть что возразить.

*А.В. Гордон:* Да, пожалуйста.

*И.А. Кузнецов:* Когда я начал открывать для себя труды экономистов-народников, я был удивлен тем, как мало и плохо я знал их идеи раньше. Например, уже в заглавии книги Н.А. Каблукова 1899 года «Об условиях развития крестьянского хозяйства в России» речь идет не об умирающей деревне, не о деградации крестьянства, а именно о его развитии. И в ней уже был четко зафиксирован тезис об экономической специфике крестьянского хозяйства и о необходимости специальной теории крестьянского хозяйства.

Мне кажется, сердцевина идеологии народников — не община. Народники — это прежде всего социалисты. Они искали альтерна-

тиву капиталистическому развитию. Они искали ответ на вопрос: как России избежать тех «ужасов капитализма», через которые пришлось пройти западным странам? Им казалось, что социалистические теории, возникшие на Западе, то есть марксизм, дают ответы, как выйти из капитализма капиталистическим странам, но для России надо искать иной путь, чтобы не входить в капитализм. При этом сами они активно использовали категориальный аппарат политэкономии Маркса, в области экономической теории они свободно говорили на марксистском языке. Тот же Каблуков в своей книге ссылался на Маркса 46 раз. Причем только один раз в полемическом контексте, а 45 раз — в подтверждение собственных слов. И его книжку можно назвать квинтэссенцией народничества в области крестьянского хозяйства.

*А.В. Гордон:* То есть что: социализм — это квинтэссенция народничества?

*И.А. Кузнецов:* Народничество — это разновидность социализма. Аграрный социализм. И модель социалистической экономики народники видели в крестьянском хозяйстве.

*А.В. Гордон:* Однако для марксизма крестьянство — это класс, обреченный на уничтожение. Помните, да? То, что народники были разные — бесспорно. Ленин, кстати, дал такую замечательную характеристику, что народничество — это была полоса общественной мысли России. То есть все мыслили народнически. Даже Александр III мыслил как народник. Это ничего еще не говорит. Это безбрежное море народничества. Кстати, Каблуков в этом отношении просто не очень характерный народник. Были гораздо более одержимые идеей общины, требовали: даешь революцию, пока община окончательно не разложилась. Конечно, Чаянов и другие представители организационно-производственного направления встраиваются в некапитализм — да, у них были идеи особого пути, некапитализма, трудового крестьянского хозяйства и пр., которые носились в воздухе пореформенной жизни. Но главное — чем Чаянов выделился, чем это направление выделилось из предшествующей народнической мысли — упором на хозяйствующего субъекта. Субъект — крестьянин, индивидуальное крестьянское хозяйство. Семейное хозяйство — это биосоциальный организм, где сочетаются усилия по воспроизводству семьи и хозяйства. Не народническая это идея.

*А.А. Куракин:* Не будучи историком, я не хочу вступать в исторические дебаты, но скажу несколько слов о том, как мне видится место Чаянова и организационно-производственной школы в современном мире. Может быть, это прозвучит странно, но Россия является одной из наименее подходящих стран, где сейчас можно приложить чаяновскую теорию, потому что объект уже практически исчез, скоро можно будет крестьян, которых описывал Чаянов, заносить в Красную книгу и выставлять в зоопарке. Редкий представитель, вымирающий вид.

*А.В. Гордон:* Крестьянство все время «вымирает». Как община, которая всегда «разлагалась». Начиная с первобытнообщинного строя, вся наша история — это история «разложения общины». Как она сохранилась спустя тысячи лет — загадка.

*А.А. Куракин:* Точно так же как на уроках истории в школах «разлагается» Византийская империя. Она «разлагалась» так долго, что современным государствам можно пожелать прожить хотя бы половину этого срока.

Мне кажется, что наибольшее приложение теория организационно-производственной школы может найти в странах Латинской Америки, Юго-Восточной Азии, Африки. Это как раз те страны, на которые направлен взгляд современных американских и европейских исследователей сельского хозяйства и сельских обществ. И здесь опять поднимаются те старые идеологические споры, которые были во времена Чаянова: и марксизм, и либерализм, и народничество. Но в новой форме. Только теперь уже место марксизма, доминировавшего во времена Советского Союза, занимает глобальная неолиберальная идеология, с которой антилиберально настроенные ученые-аграрники дружно борются, защищая местное сельское население, — по крайней мере, на страницах своих статей в журналах. Пишут, как бороться с глобальным капитализмом и что с ним можно сделать.

*А.В. Гордон:* Популизм. Сейчас как раз время глобального популизма.

*А.А. Куракин:* Ну популизм и народничество — это ведь калька.

*А.В. Гордон:* Да, да.

*Т. Шанин:* Есть и довольно серьезное международное политическое движение «Via Campesina» («Путь крестьянства») — мощное, неплохо сорганизованное и довольно эффективное в нажимах на правительства некоторых стран.

*А.А. Куракин:* Скажем, глобальный ответ на глобалистское движение.

*Т. Шанин:* Да.

*А.А. Куракин:* Однако наша страна здесь не участвует вообще никак. Там страсти кипят, а у нас — тишина. Мы постепенно движемся в сторону крупнокапиталистического хозяйства. По последней переписи у нас количество того, что мы идентифицируем как крестьянско-фермерские хозяйства, снижается, а размер земли на одно хозяйство увеличивается. Следовательно, происходит укрупнение, и если дело пойдет таким образом (а кстати, не факт, что пойдет, могут быть разные зигзаги, и простая экстраполяция здесь невозможна), то мелкие фермеры, возникшие в 1990-х, тоже превратятся в нормальные, более-менее крупные капиталистические хозяйства.

*А.В. Гордон:* Ну вряд ли агрохолдинги позволят им выдвинуться.

*А.А. Куракин:* Здесь важно учитывать региональную дифференциацию. Где-то этих фермеров совсем нет, а где-то есть, и ча-

сто они работают в той же нише, что и агрохолдинги: зерно, подсолнечник и т.д. Здесь они вступают с ними в конкуренцию.

*А.В. Гордон:* Да и в животноводстве тоже.

*А.А. Куракин:* Тем не менее новый ренессанс чаяновских идей, скорее всего, можно ожидать в тех странах, где для этого есть социальная и практическая почва, те крестьяне, о которых писал Чаянов. Поэтому закономерен интерес к Чаянову в Бразилии, хотя там и так его знают, конечно, но, по-видимому, есть желание познакомиться с ним лучше.

*В.Г. Виноградский:* Мне приходится часто, практически несколько раз в год наблюдать то, как сейчас исчезают и появляются те самые зигзаги, о которых говорил Александр Куракин. Это все происходит очень странно, и здесь можно говорить скорее не о ренессансе крестьянских хозяйств, и вообще — возрождении деревни. Русская деревня исчезает и, скорее всего, в конечном счете в ее традиционном виде прекратит сколько-нибудь полноценное существование. Но не исчезнет то, что можно назвать сельским миром. Думаю, что произойдет не так называемый «деревенский ренессанс», не возрождение, а то, что я бы назвал «перерождением». Будет совершаться именно перерождение крестьянских занятий. Перерождение — это процесс, если так можно сказать, модификации крестьянского труда на неких неклассических основах. В глубинке, в тех социологических полях, где я довольно часто бываю, приходится все чаще наблюдать совершенно новое явление: люди, далекие от сельского хозяйства изначально — и по образованию, и по жизненному опыту, и по привычкам, и по судьбе, — люди, как правило, городские, начинают весьма увлеченно и очень продуктивно заниматься сельским хозяйством и делают свои хозяйства товарными, реконструируя, перерождая традиционные крестьянские производства на какой-то неведомой здешним людям, новой для этих мест, основе. Например, возьмем пчеловодов. Я знаю одного. У него традиционная русская пасека, несдвигаемая, стационарная. Она размещена на склоне горы, в редком лесу. Ульи там стоят, как пни, — как это можно видеть на картинах старых русских художников. И он производит мед натуральный, традиционный, но в самом конце этого процесса добавляет в него разные вкусовые наполнители, цветовые органические присадки. И у него до шестнадцати разновидностей меда, у каждого из которых свой потребитель есть на ярмарке в областном центре. В итоге некий кусок деревенского продуктивного пространства им освоен и продолжает осваиваться, но уже не как прогрессивное фермерство, а как традиционное, мелкомасштабное, семейное (ему помогает отец и жена) крестьянское производство, которое своеобразным и очень точным способом встроено в природные биоритмы. Он не возит ульи к медоносам, как это практикуют добычливые и расчетливые хозяева. Теперь — второй человек. Он пару десятков лет прожил в Испании, работал на уборке сначала апельсинов, мандаринов, виногра-

да, потом устроился сантехником, затем монтировал солнечные батареи на общественных зданиях. Заработав кое-какие деньги, он вернулся, переехал в глубинную российскую деревню (полгода выбирал подходящее место), построил себе дом в европейском стиле, купил коз, сначала двух или трех, козла и теперь постепенно расширяет стадо, налаживает производство и производит сыр по старинным испанским рецептам, которые он подсмотрел, когда в Испании жил. Начал делать йогурт бесподобного вкуса. У него наладился сбыт, очень хороший, потому что друг по дружке пошла реклама. Поскольку он с виду весьма колоритен и говорлив, им заинтересовались телевизионщики. Уже вышли в эфир полдюжины сюжетов. И в моем полевом багаже еще есть несколько таких примеров. Может быть, здесь появляется ранее неведомая, какая-то специализированная социальная ниша? А может быть, это возникает какая-то неклассическая форма перерождения или возрождения чаяновских схем, идей и так далее? И эти примеры вселяют надежду, поскольку очень уж заразительны эти вот первоначальные, базовые, увлеченно-азартные формы общения с природой.

Сейчас есть два отряда, два «ручейка» людей, которые переезжают в деревню. Во-первых, это дачники, которые летом занимаются огородом, развлекают и растят детей. Во-вторых, это переезжающие на постоянное место жительства горожане, разных профессий и мотивировок. И эти две группы людей по-своему еще удерживают нынешнюю деревню на плаву. Потому что вся остальная деревня — это пенсионеры, которые живут на пенсию, сажают крохотный огородик. Молодежи почти нет. Деревня начинает напоминать пустыню. Но островки какие-то, точки какие-то светящиеся — они есть. Это и на Кубани тоже наблюдается. Хотя на Кубани станицы пока многолюдные, но перерождение сельскохозяйственных практик там связано с обостряющейся экологической проблематикой. На Кубани плохая экология — очень много применяется удобрений, гербицидов и десикантов, поэтому люди начинают заниматься производством экологически чистой продукции с адресной продажей ее специальному, стремительно сформировавшемуся кругу потребителей. Это касается и козьего молока, и коровьего молока, и гусиного мяса, которое выращено на отборном зерне и никаких там биодобавок как на крупных птицефермах, нет. То есть вот какие-то процессы начались, идут, расширяются. И именно они, как мне кажется, позволяют удержаться традиционным крестьянским микропрактикам природопользования в их классическом облике и общей исправности.

*А.В. Петриков:* Предваряя дискуссию, председатель напомнил, что в 2018 году отмечается не только чаяновский юбилей, но и еще ряд памятных исторических дат, связанных с биографиями его выдающихся сподвижников, но, к сожалению, забыл, что в этом году исполняется 100 лет со дня рождения академика Александра Александровича Никонова — последнего Президента ВАСХНИЛ — че-

ловека, благодаря которому в июле 1986 года состоялась реабилитация А.В. Чаянова, Н.Д. Кондратьева, Н.П. Макарова и других представителей организационно-производственной школы и их наследие стало в России общедоступным. Не заговорили об этой дате и остальные участники круглого стола. А ведь об этом надо помнить, и не только для того, чтобы воздать должное А.А. Никонову, его гражданскому и политическому мужеству (инициируя реабилитацию ученых-аграрников, А.А. Никонов многим рисковал, ведь широкая реабилитационная кампания в стране еще не началась). Помнить необходимо и по другой причине, а именно чтобы понять, что сделал для аграрно-экономической науки А.В. Чаянов и насколько современно его творчество.

Ведь что двигало Никоновым, начинавшим реабилитационное дело? Сужу об этом не понаслышке, а как сотрудник ВАСХНИЛ, помогавший вместе со своими коллегами Александру Александровичу готовить записку «наверх». Конечно, в известной степени им руководило стремление восстановить историческую правду: правду «маленькую», чтобы смыть с ученых клеймо «кулацких идеологов», и правду «большую», чтобы пересмотреть сложившиеся в советском обществе взгляды на сталинскую коллективизацию (в этом смысле вместе с идеологами крестьянства, реабилитировалось и само доколхозное крестьянство).

Но главный мотив Никонова состоял, на мой взгляд в другом: он считал, что изменение советских аграрных порядков, решение накопившихся в сельском хозяйстве проблем невозможно без научного наследия Чаянова и всей организационно-производственной школы.

И не вспоминая имя Никонова, мы забываем именно об этом. Реабилитация Чаянова явилась актом внутренней аграрной эволюции 1980-х годов и подготовки в стране земельной и аграрной реформы. Она не была привнесена из-за рубежа, ни западными, ни восточными крестьяноведами. Не была инициирована отечественными аграрными историками и историками экономических учений, хотя многие из них предоставили Никонову необходимые материалы. Она была выстрадана и осуществлена человеком, отвечавшим за научное обеспечение развития АПК, за разработку современной аграрной политики.

Мне странно слышать утверждения о том, что Чаянов — теоретик натурального (патриархального, нерыночного) сельского хозяйства, что его труды востребованы только в странах Латинской Америки, Юго-Восточной Азии, Африки и не годятся для просвещенной Европы, Америки (для России годятся отчасти, лишь чтобы объяснить феномен существования «отсталых» личных подсобных хозяйств). С такими трактовками своей теории Чаянов сталкивался при жизни, полемизируя с С.Н. Прокоповичем, Л.Н. Литошенко, аграрниками-экономистами Германии и Швейцарии — представителями «Betriebslehre», живучи они и ныне.

Мы как бы забыли о главном в чаяновском наследии. Он теоретик семейной фермы — самой распространенной в мире формы сельскохозяйственного производства, которая является частью аграрной структуры всех без исключения стран, хотя ее исчезновение (как и крестьянства как такового) предрекали и предрекают многие. Но заметим — не только семейной фермы, но и сельскохозяйственного предприятия вообще, ибо и в семейной ферме проявляются черты, общие для любой сельскохозяйственной единицы (например, территориальная рассредоточенность производства, существенная (даже при современных технологиях) зависимость от природных условий и др.). Хотя, конечно, основное внимание Чаянов сосредоточил именно на семейной ферме, ибо экономика сельскохозяйственных предприятий (помещичьих и других частновладельческих хозяйств) в то время, да и сейчас, была исследована в большей степени, чем крестьянских.

Если говорить о предтечах Чаянова, то это в первую очередь А.И. Чупров. Краеугольным камнем аграрной теории Чупрова является теория устойчивости мелкого земледелия или семейного крестьянского хозяйства и его конкурентного превосходства перед крупным частновладельческим (помещичьим), с использованием наемного труда хозяйством.

К этому выводу Чупров пришел, исследуя пореформенное развитие России после отмены крепостного права, аграрный опыт западноевропейских стран, а также теоретическое наследие ведущих экономистов своего времени. В этом смысле взгляды Чупрова и других экономистов-народников составляют теоретическую альтернативу марксизму и взглядам русских социал-демократов во главе с Лениным. Интересно отметить, что Чупров и Ленин сделали противоположные выводы из анализа одних и тех же данных земской статистики. Правда, Чупров, в отличие от Ленина, не только их анализировал, но и организовывал земские статистические обследования: в 1883 году он стал председателем статистического отделения Московского юридического общества — центра земских статистиков. Но дело не только в этом. Ленин из факта дифференциации крестьянских хозяйств делал вывод об их неустойчивости, размывании среднего класса, превращении большинства крестьян в наемных работников, а немногочисленной группы — в сельскохозяйственных капиталистов. Чупров видел, что, наряду с обусловленной рынком дифференциацией хозяйств, происходит формирование институтов, укрепляющих их устойчивость. Ленин же в своих работах, и прежде всего в «Развитии капитализма в России», вообще не замечает этих институтов, главными из которых являются кооперация и агрономическая помощь крестьянству, говоря современным языком, сельскохозяйственное консультирование.

По существу, Чаянов — это Чупров первой трети XX века. К чупровской аргументации устойчивости мелкого земледелия он добавил свои доводы, оперируя методологией У.С. Джевонса (од-

ного из основоположников теории предельной полезности) и опираясь на бюджетные исследования крестьянских хозяйств. Отвечая на обвинения С.Н. Прокоповича в «евразийстве» (видимо, как синониме доморощенности чаяновской концепции), Чаянов писал ему (предположительно в 1923 году), что его формулировки — «теоретически... последовательное развитие положений Госсена-Джевонса» — лидеров европейской экономической мысли, но никак не евразийцев. Идеи Джевонса, как и теория Чаянова, не устарели до сих пор.

Новое звучание теория Чаянова об устойчивости семейной фермы приобретает в связи с современными представлениями о многофункциональности аграрной деятельности. Если традиционно сельское хозяйство сводили к производству продовольствия и сырья для промышленности, то теперь речь идет также о производстве общественных благ — обеспечении социального контроля над обширными территориями, воспроизводстве традиционной культуры, сохранении исторически сложившегося ландшафта и др. Как следствие, в результате сельскохозяйственной активности территория остается обжитой, укрепляется геополитическое положение страны, создаются условия для удовлетворения социально-духовных и рекреационных потребностей общества.

В контексте теории многофункциональности необходимо сравнивать и различные типы сельскохозяйственных фирм, одни из которых (аграрные предприятия) преимущественно ориентированы на производство сельскохозяйственной продукции, другие — на производство общественных благ (семейные хозяйства). Предприятия и хозяйства различаются по стимулу деятельности, размерам производства, уровню стандартизации, масштабам применения наемного труда, характеру технологии.

Двойственность полезного эффекта, получаемого обществом от сельского хозяйства, имеет важные последствия как для оценок динамики отрасли, так и для совершенствования аграрной политики. Притчей во языцех стало утверждение об отсталости нашего дореволюционного сельского хозяйства. Но когда говорят об этом, имеют в виду только производственные показатели: произведенную продукцию, урожайность, надои и т.д. Не учитываются вклад крестьян в колонизацию новых территорий и обеспечение социального контроля над этими территориями. А ведь именно благодаря этой крестьянской колонизации были существенно расширены границы российского государства.

Но оставим ретроспективные оценки, вот одно из характерных прогностических суждений. Утверждается, что личные подсобные и мелкие крестьянские (фермерские) хозяйства бесперспективны, ибо на их долю приходится все меньше и меньше товарной продукции. Это, конечно, так, но как без мелких семейных ферм сохранить сельскую поселенческую сеть? Ведь в каждой деревне холдинг по определению не откроешь.

*Т.А. Савинова:* Я хотела вернуться к тому, что говорил Александр Владимирович Гордон. Я тоже не сторонница того, чтобы использовать термин «неонародники», и вообще чтобы вешать какие-либо ярлыки. Катя Бруиш их аграристами назвала[3]. Как писал Теодор в предисловии к английскому изданию 1987 года, Чаянов был интеллектуал высокого класса, высокообразованный человек, знающий три языка и видящий все гораздо шире, как бы смотрящий сверху на это все. И опускать его до народничества — значит делать его более примитивным, чем он был на самом деле. Желание сделать его пейзантистом «основано на слабой информированности и неверно»[4]. Да, они были учениками народников, в этом прав Игорь Анатольевич, но это были их учителя, а они были людьми уже другого поколения, и они жили в другое время и делали другое. Как писал Александр Владимирович, эта школа — это философия, это система взглядов.

Широта взглядов проявлялась у Чаянова и в личном плане. Чаянов и Кондратьев, как известно, между собой не ладили.

*А.В. Гордон:* Мягко говоря.

*Т.А. Савинова:* Но тем не менее Чаянов Кондратьеву все время помогал, несмотря на то что личные отношения у них были плохие. Сначала плановыми работами в Наркомате земледелия занимался Чаянов. И первый план сельского хозяйства был сделан Чаяновым в 1921 году. Но когда он понял, что у Кондратьева это получается гораздо лучше, отошел от этого, не стал мешать ему. А, наоборот, только помогал. В этом проявлялась его мощная личность. Для него важнее было дело, а не какие-то личные взаимоотношения.

*И.А. Кузнецов:* Научное руководство плановыми работами в Наркомземе перешло к Кондратьеву, думаю, в связи с развитием НЭПа, рыночных отношений. Так называемая «пятилетка Кондратьева» строилась на рыночной основе, тогда как коммунистические идеи Чаянова о нерыночном учете потеряли уже актуальность. План Чаянова и план Кондратьева были не просто разные этапы одной работы, это были совершенно разные работы.

*А.В. Гордон:* Это серьезный вопрос об отношениях к рынку, потому что все-таки у Чаянова был пережиток того народнического взгляда, что рынок несет с собой уничтожение крестьянства, отрицание крестьянства. Что рынок чужд крестьянству. Идея трудопотребительского баланса — она ведь абсолютно нерыночная. В этом

3. *Бруиш К.* (2012). Крестьянская идеология для крестьянской России: аграризм в России начала XX века / Пер. с англ. Б.А. Максимова // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ученые записки. Вып. 7 / Под ред. А.М. Никулина, М.Г. Пугачевой, Т. Шанина. М.: РАНХиГС. С. 142-158.
4. *Шанин Т.* (1989). Наследие Чаянова: положения теории, ошибочные толкования и современная «теория развития» // Вестник сельскохозяйственной науки. №2. С. 155-156.

отношении Литошенко прав. Но в целом все-таки, мне кажется, Литошенко не все учел. Понимаете, на самом деле интенсификация крестьянского хозяйства может быть только на основе рынка. Кстати, «зеленая революция» в упоминаемой здесь Юго-Восточной Азии это показала. Но то, что Александр Васильевич стоял за интенсификацию хозяйства, мне кажется, это не вызывает сомнения.

*А.М. Никулин:* Я не могу согласиться с тем, что Чаянов был против рынка и что идея его трудопотребительского баланса есть идея абсолютно нерыночная. Как упоминал сам Чаянов в 1920-е годы, подобного рода нерыночную ориентацию в организационно-производственном направлении можно обнаружить лишь в некоторых ранних работах Чаянова и его коллег.

Мне пришлось в последнее время достаточно много читать и перечитывать самые различные сочинения Чаянова и для себя я метафорически сформулировал два исторических образа Чаянова. Первый — ранний или «ветхозаветный» Чаянов — Чаянов в основном до 1917 года. Это Чаянов действительно преимущественно натурального хозяйства и трудопотребительского баланса. А второй — «новозаветный» Чаянов, после 1917 года. Это Чаянов многоукладной экономики, теорий некапиталистических систем хозяйства, междисциплинарного альтернативного мышления.

И, к сожалению, тут происходит путаница в восприятии мировоззрения Чаянова. Путаница происходила у Льва Литошенко — он страстно критиковал «ветхозаветного» Чаянова, утверждая, что его трудопотребительский баланс — это «каменный век», старое народничество под новой маской.

Но я должен предупредить, что и Чаянов, и все его коллеги по организационно-производственной школе в принципе никогда не выступали против рынка. Чаянов при этом подчеркивал, что существуют и другие, иные нерыночные экономические миры со своими экономическими закономерностями. И задача ученых — видеть это сложное сочетание различных экономических систем (смотри чаяновскую работу «К вопросу о теории некапиталистических систем хозяйства»). Да, мы у Чаянова находим и утопические нерыночные допущения, например, работы об изолированном государстве-острове, статью про систему нерыночных трудовых эквивалентов без рынка — это в действительности его маржиналистские экономико-математические этюды абстрактных альтернативных экономик. Он был виртуозом моделирования иных альтернативных социально-экономических миров, здесь он был уникален в этом своем занятии. За свою жизнь он написал несколько оригинальнейших утопий, где упоминались или подразумевались нерыночные экономические системы. Но это не означает, что он лично был противником рынка, в отличие от большинства народников. Да, народники действительно в массе своей с большим недоверием относились к рынку и считали, что он в конце концов погубит крестьянство. Позиция Чаянова и его коллег была принципиально иная.

Они (дословно) говорили: давайте играть по правилам рынка, давайте играть в рыночной экономике, мы готовы доказать, что в рыночной экономике крестьянство вполне конкурентоспособно, если будет развиваться обосновывавшийся Чаяновым вертикальный тип крестьянской кооперации. Здесь, за нашим круглым столом, мне кажется, до сих пор прежде всего и в значительной степени имели в виду «ветхозаветного» Чаянова. «Ветхий завет» Чаянова — это натурально-хозяйственная демографическая циклическая эволюция крестьянского хозяйства. «Новый завет» Чаянова — это конгломератная и многоукладная, и рыночная и нерыночная революция мирового хозяйства, в котором именно крестьянству будет суждено еще сыграть исключительно важную и современную роль. «Новозаветный» Чаянов — это уже не только экономист аграрник, но также — социолог, культуролог, политолог.

*Т. Шанин:* И философ.

*А.М. Никулин:* Ну и в связи с его способностью работать в самых различных пространствах человеческого знания, объединяя их в универсальные познавательные модели, он, безусловно, философ. Так, например, чаяновская теория крестьянского хозяйства вполне вписывается в науковедческую концепцию социологических теорий среднего уровня Роберта Мертона. Меня вот что немножко раздражает: в этот юбилейный год будет опять серия чаяновских конференций, на трибуну будут выходить докладчики, часто твердя одно и то же: какой молодец Александр Васильевич, создал теорию трудового крестьянского хозяйства, теорию сельскохозяйственной кооперации, методы исчисления дифференциальных оптимумов. И вот эту триаду будут склонять на всех конференциях и в рамках этой триады и будут прежде всего мылить и обсуждать чаяновское наследие. Да послушайте! Есть же огромные пласты чаяновской мысли, которые нами еще не поняты, не подняты, ими-то и надо дальше заниматься! Ну, например, тема: Чаяновская школа в исследованиях колхозов и коллективных хозяйств. Обычно у нас и за рубежом говорят (фактически не задумываясь и повторяя мнение сталинских аграрников-марксистов), что организационно-производственное направление не занималось, не интересовалось экономикой коллективных хозяйств. Но это не так! Именно Чаянов и его коллеги были настоящими первопроходцами в познании и понимании феномена колхоза. Алексей Минин еще в 1913 году предлагал создавать сельскохозяйственные артели (фактически колхозы) для бедных крестьян, и для своего времени это было чрезвычайно конструктивное предложение. Я хочу сказать, что не было еще таких проницательных и серьезных критиков колхозной системы, как, например, Чаянов и Бруцкус, и одновременно не было таких специалистов, которые внесли столько ценных предложений по поводу того, как можно развивать и совершенствовать колхоз (Чаянов, Челинцев, Минин, Макаров). Такая критика колхозной системы со стороны организационно-производственного направления чрез-

вычайно конструктивна. Дальше. Скажем, сверхкрупное аграрное хозяйство — совхоз. Чаянов, Студенский здесь были одними из первых. Да, это не самая любимая тема Чаянова, но он занялся этим совхозом и дал целых два десятка блестящих статей с прогнозом того, каковы могут быть перспективы совхоза, какие его подстерегают системные опасности и что возможно с ними делать.

Особо мне хотелось бы подчеркнуть, что сама организационно-производственная школа, состоявшая прежде всего из великолепной семерки профессоров: Челинцев, Бруцкус, Рыбников, Макаров, Чаянов, Минин, Студенский, — идейно меж собой была не совсем однородна. Внутри нее возможно обнаружить более либерально рыночных и более народническо-социалистически ориентированных экономистов. И уникальность Чаянова среди этих своих коллег и единомышленников заключалась в том, что он находился в центре, он был именно центристом в самом продуктивном и объединительном значении этого слова. Он всегда стремился найти некоторую оптимальную точку зрения между конфликтами, интересами экономическими, теоретическими, политическими вообще и даже внутри собственно организационно-производственной школы. Ну опять, организационно-производственное направление можно понимать очень широко. Это, возможно, тысячи две агрономов-экономистов на местах в сельской России 1920-х годов, разделявших воззрения школы Чаянова, многие их которых также оказались репрессированными в годы коллективизации.

Но если брать организационно-производственное направление в узком смысле этого слова — то это великолепная семерка ученых, где на левом народническо-социалистическом фланге располагаются прежде всего Александр Челинцев и Алексей Минин. На правом фланге находятся Борис Бруцкус, Геннадий Студенский, Николай Макаров, в центре — Александр Чаянов и, пожалуй, Александр Рыбников. Причем главный «левофланговый» — Александр Челинцев, а главный «правофланговый» — Борис Бруцкус. Главный «центрист» — Чаянов. И тем не менее, несмотря на определенные внутренние политэкономические разногласия в понимании того, что происходит в сельской России и мире, это действительно единая команда, которая — это очевидно, придерживается единой исследовательской методологии, несмотря на то что Бруцкус — явно либерал, а Челинцев — это еще больший социалист, чем Чаянов. А Чаянов даже здесь, внутри школы, находится в центре, виртуозно балансируя между либерализмом и социализмом, он стремится отнюдь «не сидеть на двух стульях», но создавать в политэкономии и политологии единый союз, единый фронт либерализма и социализма. Актуально ли это в наше время? Безусловно. Вот недавно целый ряд европейских интеллектуалов — левых либералов и правых социалистов — издали новейший сборник политологических работ о том, как в современных условиях искать компромисс между либерализмом и социализмом. Чаянова они, ко-

нечно, не читали. Но если вдуматься, чем занимался Чаянов как социальный философ и политолог, окажется, что занимался именно этой проблематикой, которая совершенно необходима в современную эпоху. Далее. Меня всегда удивляла уникальная способность Чаянова продуктивно балансировать между анархизмом и этатизмом. Самая первая его работа, еще студенческая, опубликованная в провинциальной газете «Вятская жизнь», это обзор классического труда Эльцбахера «Анархизм». Чаянов, по нему это видно, всегда с симпатией относился к анархизму вообще, и к анархизму Петра Алексеевича Кропоткина в особенности. С другой стороны, Чаянов — это государственник. В 1917 году он выступает за национализацию земли. А в работе В.П. Данилова «Чаянов и Русская революция» очень точно подмечено, что в решающие политические моменты Александр Васильевич Чаянов всегда становился на последовательно государственническую точку зрения. Как удавалось этому человеку, придерживавшемуся в политэкономии принципов анархизма, в политике подчеркивать необходимость сильного государства? В изучении наследия Чаянова-политолога нас будет ожидать еще много сюрпризов.

Наконец, мы должны помнить и осознавать еще один из важнейших заветов «новозаветного» экономиста-культуролога Чаянова: в социальных реформах культурные реформы важнее и труднее, чем реформы экономические. Об этом Чаянов писал в «Путешествии моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» и не только. Приоритет культуры над экономикой продемонстрировал свою актуальность уже в XX веке и является настоящим вызовом веку XXI.

Вновь возвращаясь к мировоззренческим ценностям «ветхозаветного» Чаянова, я предлагаю обратить внимание на его понимание изначальной мощи и значения натурально-хозяйственных, дорыночных стихий в экономике. Чаянов подчеркивал, что этот изначальный натурально-хозяйственный базис всегда существует и будет существовать, о нем надо помнить, его надо изучать, несмотря на все могучие и сложнейшие надстройки рынка, государства и всех прочих социально-экономических институтов.

Что меня в творчестве Чаянова смущало и смущает... Великий энциклопедист А.В. Чаянов, живший в «золотой век» российских крестьяноведческих исследований, не только социально-экономических, но также антропологических, литературных, во всем своем многообразном творчестве не оставил ни одного социально-психологического образа конкретной личности крестьянина. У Чаянова возможно обнаружить различные глубокие психологические портреты реальных и вымышленных интеллигентов, но не крестьян...

*Т. Шанин:* Я бы хотел продолжить ту линию дискуссии, по которой пошел Александр Никулин. Я думаю, что самое важное в Чаянове, что определяет Чаянова в моих глазах — это не то, что Чаянов

говорил, хотя он говорил очень много ценного, но кем Чаянов был. Я думаю, что он сумел доказать всей своей жизнью свою фундаментальную, если хотите, либеральность по отношению к другим ученым. Он вел институт, в котором действовали марксисты, не-марксисты и антимарксисты — все. И он сумел не только работать с ними, он сумел добиться того, что они работали вместе. И продолжали спорить. Беспрестанно спорили. Но работали вместе. И институт Чаянова был ведущей научной структурой. И если бы она удержалась, я надеюсь, коллективизации бы не было. Потому что он нес в себе способность слышать всех, организовать свое мышление — не через агрессию против тех, с кем он не соглашался, но на базе объединения. Я думаю, что это особо ценно в России, потому что даже теперь, тридцать лет после того, как я начал жить и работать в России, меня раз за разом выводит из себя, когда я слышу, как агрессивно спорят русские, даже интеллектуалы. Чаянов умел слышать других, и он интересовался другими. В спорах, в которых он участвовал, его интересовал этот спор, его не интересовало выиграть этот спор. Очень часто он стремился вводить, интегрировать элементы этого спора в свое мышление. Его институт совершенно точно и четко шел в эту сторону в своей работе и в своих предложениях правительству, ведь он был также готов работать со всеми. С правительством большевиков? А почему нет? С врагами большевиков? А почему нет? Если говорят дело. Почему нет? Наоборот, очень важно иметь их, потому что не удержать их — это потеря для страны. Поэтому я стопроцентно согласен с тем, что сказал Саша. Я счастлив, что мы вышли на этап, на котором понимание Чаянова углубляется. Мы уважаем его. Мы рады, что он был. Мы учимся у него. Это же надо сказать и о Марксе, и о Вебере, и о целой серии ученых и мыслителей. Чаянов был человеком, который объединял. Он был цивилизованным мыслителем. Вся его биография говорит об этом. Я бы сказал, он символизирует своей жизнью, какой следовало быть русской интеллигенции. Вот то, что я хотел добавить о Чаянове.

*А.В. Гордон:* Экономисты уже давно пришли к выводу, что экономика сама по себе не проблемна, а проблемны, так сказать, ее предпосылки, и прежде всего культура, характер культуры, уровень культуры. То, что Теодор говорил насчет монологизма русской культуры, — это верно. Я помню, когда Вы, Теодор, только появились у нас, меня поразил Ваш стиль речи. Потом стал прислушиваться к англоязычной речи. Не «это так», а «I think» — я думаю. Или probably — «вероятно так». Да, кстати, и у французов то же самое: Je pens'que — «Я думаю, что». Такая вот форма, предполагающая взаимоуважительный диалог. У нас же в значительной степени ушла эта деликатность. Наверное, с пореформенного периода, с разночинцев. Был такой классический русский либерал Борис Николаевич Чичерин. Когда ему предложили стать цензором, он сказал: «Русской прессе нужен не цензор, а палач». Так что призыв к уважительности я приветствую.

*Л.А. Овчинцева:* Хотела бы поделиться своими соображениями о том, почему Чаянов нигде не рассматривает конкретного крестьянина. Ответ дает его система мировоззрения. Мне кажется, мы должны вспомнить о том, что в основе его воззрений была определенная философия и определенный способ мышления. Как ученый он стоял на позициях эволюционного развития. Его очень занимала идея внесения культуры в крестьянские массы, причем культуры не только агрономической и сельскохозяйственной, но в самом широком смысле этого слова. Вспомните образ сельской ярмарки из его утопии, когда крестьянские бабы с увлечением рассматривают образцы изысканной северной вышивки, а крестьянские парни приценяются к антикварной мебели и скупают брошюры о западноевропейской живописи. Этот образ он вынес из практики дореволюционной кооперации, когда на средства кооперативов открывались в сельской глубинке народные театры и содержался в Москве университет им. А.Л. Шанявского. Поэтому ему и не был присущ взгляд современного этнографа или социолога, который стремится запечатлеть образ исчезающего крестьянства. Что лучше, современный ему крестьянин, запутавшийся в сетях трехполья и чересполосицы, или культурный кооперированный крестьянин? Конечно, его больше привлекал образ крестьянина лучшего будущего, нежели подлежащего улучшению настоящего.

Также ему, как мне кажется, доставляла большое удовольствие концептуализация, рефлексия, построение моделей. Не количественных, а именно качественных. Все, что попадало в поле его зрения, он старался превратить в теорию. Он не мог быть просто наблюдателем, который что-то фиксирует. И это, с одной стороны, делало его интегратором идей, организатором, а с другой, может быть, придавало некоторую идеальность его научным теориям, потому что он всех превращал в такие красивые гармоничные модели. Это свойство личности, свойство мышления, присущее, возможно, ему лично.

Не соглашусь с высказанной оценкой о том, что Чаянов в своем раннем периоде, когда он изучал крестьянское хозяйство, был не рыночник, а народник. Принять эту оценку — означало бы полностью отрицать Чаянова как деятеля кооперации, а ведь именно кооперация и вводит крестьянское хозяйство в рынок. Чаянов работал в кооперации еще будучи студентом, поэтому такая оценка противоречит фактам.

*А.А. Куракин:* Комментарий по поводу тезиса о «новозаветном» и «ветхозаветном». Если здесь «новозаветный» означает преодоление «ветхозаветного», мне кажется, вряд ли это так. Для меня то, что было названо «ветхозаветным», представляется ценным в чисто позитивном ключе. Не нормативно, не в смысле, что натуральное хозяйство — хорошо, а в плане описания действительности, того, как это было в жизни. Сама по себе чаяновская модель крестьянского хозяйства красивая, и действительно на определенном этапе она работает. И это самое ценное, а все эти наши оценки (хорошо крестьянское хозяйство или плохо) — это уже вторично.

*А.М. Никулин:* Дорогие коллеги, мне кажется, мы сами не ожидали, сколько в результате нашего обсуждения будет сформулировано интересных тем и упомянуто замечательных имен, связанных с наследием Чаянова и всего организационно-производственного направления. Я благодарю всех участников за эту живую и продуктивную дискуссию, еще раз доказывающую актуальность школы Чаянова в контексте российской и всемирной аграрной мысли. Будем же продолжать изучать и развивать идеи организационно-производственного направления дальше.

## Round table “Organization-production school in the Russian agrarian-economic thought: History and the present time”

*Valery Vinogradsky*, DSc (Philosophy), Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, Prosp. Vernadskogo, 82. E-mail: vgrape47@yandex.ru.

*Alexander Gordon,* DSc (History), Head of the East and South-East Asia Branch, Institute of Scientific Information in Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. E-mail: gordon_aleksandr@mail.ru

*Igor Kuznetsov,* PhD (History), Senior Researcher at the School of Public Policy Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, prospect Vernadskogo, 82. E-mail: repytwjd68@mail.ru.

*Alexander Kurakin,* Senior Researcher at the Center for Agrarian Studies of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Higher School of Economics, 101100, Moscow, Myasnitskaya, 20. E-mail: chto-delat@yandex.ru

*Alexander Nikulin,* PhD (Economics), Head of the Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; 119571, Moscow, Prosp. Vernadskogo, 82. E-mail: harmina@yandex.ru.

*Lyubov Ovchintseva,* PhD (Economics), Senior Researcher, Department of Sustainable Rural Development and Rural Cooperation, Alexander Nikonov All-Russian Institute of Agrarian Issues and Informatics; 105064, Moscow, Bolshoi Kharitonievski Per., 21–1. E-mail: lovchintseva@viapi.ru.

*Alexander Petrikov,* DSc (Economics), Academician of RAS, Head of the Alexander Nikonov All-Russian Institute of Agrarian Issues and Informatics; 105064, Moscow, Bolshoi Kharitonievski Per., 21–1. In 2007–2016 — Deputy Minister of agriculture. E-mail: apetrikov@viapi.ru

*Tatiana Savinova,* PhD (Economics), Head of Organizational-Methodical and Personnel Work Chair, Russian State Archive of Economy; 119992, Moscow, B. Pirogovskaya St., 17. E-mail: savinova30@yandex. Ru

*Teodor Shanin,* Professor, President of the Moscow School of Social and Economics Sciences, chairman of the Advisory Board of the journal “Russian Peasant Studies”. 119571, Moscow, Prosp. Vernadskogo, 82. E-mail: shanin@universitas.ru

The round table “Organization-production school in the Russian agrarian-economic thought: History and the present state” at the Center for Agrarian Studies of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration gathered his-

torians, sociologists, economists, and culturologists for an interdisciplinary discussion of the relevance of the scientific legacy of A.V. Chayanov and his colleagues not only for agrarian science, but also social sciences and humanities on the eve of the anniversaries of the organization-production school representatives. The participants of the round table focused on the genesis and historical prerequisites of the organization-production school, and on the ideas of the Chayanov's school as influencing the rural development of Russia and the world in the past and present. The participants of the round table were particularly interested in the recently discovered unique archival papers, such as the responses of A.V. Chayanov and N.P. Makarov to criticism of L.N. Litoshenko and A.A. Manuylov considering the theoretical-methodological foundations of the organization-production school's idea of peasant economy; and the Chayanov's texts for the German, French and American journals comprehensively describing features of the Russian and Soviet agrarian-economic science development. The intellectual legacy of A.V. Chayanov and his colleagues A.A. Rybnikov, A.N. Chelintsev, B.D. Brutskus, N.P. Makarov, A.N. Minin, and G.A. Studentsky was considered from the perspective of populist, socialist and liberal traditions in the development of Russian and international peasant studies. The participants of the round table also mentioned theories of other remarkable agrarians that can be called predecessors and followers of the organization-production school.

*Keywords:* peasant studies; interdisciplinary studies; organization-production school; theory of peasant economy; populism; socialism; liberalism; rural development.